

Екатерина Бердичева

Пестрые дни Тальи Мирей

история 2

Екатерина Бердичева Пестрые дни Тальи Мирей. История 2

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68627733

SelfPub; 2022

Аннотация

Продолжение приключений учительницы гимназии для девочек, в которой Талья делает выводы, что простые друзья имеют непростую личную жизнь, а сотрудники – не те люди, какими хотят казаться. Кроме этого она узнает, что знакомство с отзывчивой девушкой из бара чревато неприятностями, сильные мира сего умеют быть благодарными, а лучшая подруга грезит о свадебном платье...

Екатерина Бердичева

Пестрые дни Тальи Мирей. История 2

История вторая. Эльфийское озеро

***

В долине Змей во всю хозяйничала поздняя осень. Деревья, еще недавно облаченные в красные с золотом наряды, почти облетели. Теперь, поджимая к черным стволам тощие голые сучья, они ёжились и тряслись в ознобе на пронизывающем горном ветру. Трава, каких-то пару дней назад радовавшая глаз точечками поздних соцветий, прошлым утром покрылась белым инеем и сразу приникла к земле. Серые тучи, среди которых не было ни одного ясного окошка, перевалив недалекий горный хребет, бросали в город Темной Воды колкую морось и только потом продолжали свое движение к югу, чтобы в конце декады рассеяться над долиной Волков легкими дождиками, тающими в закатных лучах яркой радугой...

К началу занятий теперь приходилось вставать затемно. Зевая, я зажигала светцы, отдергивала на заплаканном окне занавеску и с тоской вспоминала родной городок. С наступлением осени его неспешная жизнь наполнялась запахами

созревшего винограда, невероятно сладких эрминских яблок и молодого вина, именно в эту пору разливаемого по бутылкам. Их нежный вкус таял во рту вместе с остатками сна и крупичками зубного порошка, насыпанного мной на щетку. Поплескав в лицо прохладной водой, я все-таки открывала глаза, вместе с платьем натягивала на лицо улыбку и отправлялась в дортуар к моим второгодкам, где, придав ускорение проспавшим, собирала класс сначала на гимнастику, потом – на завтрак. Воспитание детей – дело непростое, и мы с подругой Вайтой отдавались этому процессу со всем пылом души, однажды выбравшей профессию педагога.

Директор гимназии госпожа Вейдо после несчастного случая, произошедшего в конце учебного года с одной из воспитанниц, думала, что после каникул наши коридоры опустеют. Толков, связанных со смертью Райлы Войрениа, ходило много, а коллеги из других учебных заведений лишь подогревали гулявшие по городу сплетни. Хорошо, что удалось сохранить в тайне убийство госпожи Кошии... Но так как эта дама была одинокой, госпожа Вейдо задним числом подписала приказ об увольнении, а некий чин в префектуре состряпал документ, подтверждающий ее перевод в школу другой долины. Чует мое сердце, без вмешательства известной полицейской персоны, опекающей нашу директрису, такого соглашения достичь бы не удалось. Мать замешанного в неблагоприятном деянии господина Туйвэ, не желая быть изгнанной из храмовой общины, глухо молчала. Что стало с бывшим

учителем рисования, я не знаю. Но на волне этой скандальной истории к нашей гимназии вдруг вспыхнул небывалый интерес. Девочек к нам везли теперь не только из столицы, но также из окрестных городков. Когда набралось двадцать человек сверх лимита, директриса объявила об окончании приема. И ни один из родственников, как это бывало раньше, не попросил об отсрочке полугодового платежа. Среди новеньких оказалось несколько настоящих умниц, заниматься с которыми стало истинным удовольствием.

Азы биологии и ботанику вместо госпожи Кошии начал преподавать неженатый симпатичный мужчина лет тридцати с небольшим. Выглядел он потрясающе, и наши незамужние учительницы вместе с некоторыми из выпускниц с головой погрузились в увлекательную игру «соблазни его первой». Но господин Шайн Ниеминя упорно не замечал ни вздохов, ни улыбок. И лишь в тот момент, когда он думал, что рядом никого нет, я видела, как он смеется. А должность учителя изобразительного искусства заняла выпускница местного университета. Ее работы, которые после госпожи Вейдо просмотрели мы все, показались мне весьма техничными и естественными. Поползновений на гениальность с авангардными заморочками в них не было, поэтому директриса сразу закрыла вакансию и выделила девушке комнату в учительском общежитии. Госпожа Лайна Юха общительностью не отличалась, поэтому Вайта, вначале загоревшись идеей из нашей дружной пары сделать трио, нехотя от художницы отступи-

ла и вновь начала донимать своей опекой меня, в свободное от занятий время наглаживая форменные воротнички или в очередной раз перевешивая в шкафу платья. Между делом она старалась напомнить о том, что свидания с обещанным мной неотразимым парнем так и не случилось. Тогда я вздыхала и смотрела в сторону забрызганного дождем окна.

Ну да, наши планы провести день в городском парке рядом с загадочным озером под давлением непогоды и бесконечной занятости были отложены на неопределенное время. Вайта дулась, а я все-таки иногда с моими друзьями встречалась. Только происходило это мимоходом и в те моменты, когда я приносила господину Сурвею очередной креативный проект по привлечению посетителей или получала после его реализации деньги. Парни теперь работали во вторую смену. Гостей ненастными осенними вечерами в ресторане было много, поэтому ничего, кроме дружеских кивков, мы позволить себе не могли. Однажды, расписываясь за очередную сумму в ведомости, я от нечего делать, лишь бы что-то сказать, поинтересовалась у господина Сурвея причиной, заставившей его перевести парней на самое загруженное время.

– Неужели по требованию клиентов? – усмехнулась я, выводя в нужной графе свое имя.

– Так всё, – ответил он, по второму кругу пересчитывая тонюсенькую стопку серебряных монет, полагавшихся за мои труды, – осенние каникулы закончились.

– Что? – По столу подвинув мелочь к себе, я начала укла-

дывать ее в кошелек. – Какие каникулы?

– Университетские. – Троль поднял голову и, сверкнув бриллиантовыми запонками, откинул рукой опустившиеся на лоб волосы. – Разве не знаешь, что официантами я беру только студентов?

– Э? – Я вытаращила глаза. – Они... учатся? В университете? А на кого?

– Вот же дотошная девушка! – Ресторатор поморщился. – Не имею понятия. Хочешь, спроси сама. Эй! – Крикнул он, увидев, что я направилась к дверям. – Не сейчас! Не мешай им работать!

Я кивнула и, вспомнив кое-что из недавнего прошлого, улыбнулась:

– Господин Сурвей! А как поживает Ваша дочка Паулина? Жених вернулся?

Троль возмущенно дернул бровями и открыл рот, чтобы отчитать бесцеремонную девчонку за вмешательство в частную жизнь. Однако вспомнив, что мои творческие потуги по привлечению публики ему все еще нужны, расслабился и ответно улыбнулся.

– Хорошая у тебя память, хитрая девушка Талья! – Вздохнув, он положил ладони на стол. – Тот обормот, который от нечего делать заглянул в чужой сад, таки соблазнился переспелым персиком из теплицы моего конкурента и попробовал его на вкус. Если червячка, проделывающего дырочку, ловят на месте преступления, поздно говорить, что не пер-

вопроходец... Свадьба получилась пышной. А слезы радости и разочарования, смешавшись воедино, поспособствовали ранним всходам. Понимаешь, о чем я? Запомни, девушка: обильное плодоношение не обходится без навозных куч. – Господин Сурвей улыбнулся. – Ну да Боги с ним, недотепой. Моя красавица все равно в девках не останется.

– Неужели среди каменных истуканов мужского рода Вы отыскали единственный на всю округу золотой? – Я всплеснула руками.

Тот кивнул.

– Сын поставщика морепродуктов из Кроличьей долины.

– Ох, и далеко! – Покачав головой, я поджала губы и тут же мечтательно взглянула на спускавшуюся с потолка хрустальную люстру. – Счастливица! Каждый день будет видеть море и уходящие в него светила!

– Ко всему прочему долина Саламандр всего-то через один горный хребет! Если зять окажется не просто наследником, но и умным дельцом, мы создадим новую сеть ресторанов. – Довольно усмехнулся тролль и помахал в мою сторону пальцами. – Иди, девушка! Пусть тебе повезет если не также, то хотя бы вполовину!

Покивав, я закрыла за собой дверь, прошла несколько шагов и прислонилась к коридорной стене. Выкинув из головы беды и радости молодой троллицы, я задумалась о парнях. Оказывается, ничего об их жизни, увлечениях и проблемах я не знаю. Вот же хороша подруга: думаю только о себе!

Прокравшись потихоньку к служебному входу в зал, я отодвинула занавес и вгляделась в сумрак помещения. Публика, сидевшая за столиками, украшенными букетами из листьев со спрятанными внутри разноцветными фонариками, наслаждалась вечером, ела, пила и смеялась. В воздухе, наполняя его волшебством осени, кружились призрачные листья. Если подставить такому иллюзорному листу теплую ладонь, он, прежде чем растаять, начинал мерцать золотыми искрами. Это было очень красиво. И народ, прознавший о таком чуде, валом шел в ресторан Сурвея. Конкуренты кусали от злости локти, тролль подсчитывал прибыль. Впрочем, он был честным работодателем и выплатил мне за прибор, который я случайно откопала в лавке старьевщика, десяток полновесных золотых. Их я поделила с дядюшкой Горсом, всего за пару дней починившим это чудо магической техники. И теперь, пристроенный к потолочной балке, он радовал приходивших в ресторан гостей удивительно живой иллюзией. Кстати, если в момент листопада идти по полу, создавалось полное ощущение, что находишься на парковой дорожке: упавшая листва поднималась и, покружившись у ног, снова опускалась вниз. И только потом медленно таяла. Дядюшка Горс, пока занимался ремонтом, рассказал мне, что аппарат был создан прекрасным инженером, умевшим работать с энергетическими потоками земли. К сожалению, на нашем континенте с каждым поколением рождалось все меньше магически одаренных людей. Даже знаменитая Во-

жеронская Академия открыла у себя факультеты для тех, кто живет без магии. Говорят, ее забрали с собой ушедшие из нашего мира дейрины. Но я в такое не верю. Скорее сама земля спрятала лишние источники, чтобы народы, ее населяющие, не могли друг с другом воевать. Впрочем, если сопоставить некоторые исторические даты, магия начала пропадать после того, как на Изумрудный континент перебрались разочаровавшиеся в отношении к ним местных жителей эльфы. Черная стена терновника вокруг Вековечного Леса давно исчезла, но ее колючки накрепко засели в душах гордых эльфийских королей. Закрыв внешние телепорты, эльфы принимали только морские корабли. И далеко не все приплывшие на другой материк путешественники могли рассчитывать на гостевую визу. С особенным подозрением эльфы относились к людям. Хотя, по слухам, с главами Кланов они все-таки общались... Однако аристократия не считала нужным о том распространяться. А магия... возможно, она потянулась за теми, чьи сердца полнились любовью не только к земле, но и ко всему существу. Правда, как обстоят дела на другом континенте, я не знала. Но мечтала взглянуть на эльфийские города хоть одним глазком... Наверно они прекрасны, как и существа, их создавшие!

Поймав на протянутую ладонь золотой лист, я полюбовалась вспыхнувшими на ней холодными искрами и снова посмотрела в зал. Тимчин, приняв из рук Фэйто поднос с едой, вихрем унесся к столикам. А пробиравшийся между крес-

лами с набором заказов от клиентов Кастий меня и вовсе не заметил. Только Кая нигде не было видно. Скорее всего, он внимательно выслушивал пожелания из серии «принеси то, не знаю что, но какое-нибудь этакое». Улыбнувшись, я опустила занавеску и пошла по коридору, вспоминая о собственных делах, и... неожиданно остановилась: мне показалось, в воздухе витает запах знакомых духов. Именно таким ароматом пользовался Кай. Сделав вывод, что он проходил здесь совсем недавно, я подхватила юбки и бросилась к выходу. Интересно, что заставило этого ответственного парня оставить пост в разгаре рабочей смены?

Вылетев за дверь, я собралась метнуться в сторону центральной площади, но... прикинувшись мышкой, быстро влезла в щель между какими-то ящиками и ступенями. Потом потихонечку выглянула из-за перил. Кай, которого мне хотелось догнать, стоял у ворот. Ссутулившись и засунув руки в карманы, он тихо разговаривал с мужчиной примерно одного с ним роста, только крепче и шире в плечах. Из увиденного я сделала вывод, что собеседник Ангела старше, и Кай, несмотря на самоуверенность, вынужден прислушиваться к его словам. Выражения лица моего друга я не видела, но по его нетерпеливым движениям мне стало ясно, что разговор не из легких. В конце концов, Кай отпрянул и, не оборачиваясь, быстро пошел к ресторану.

– Неужели так сложно оставить меня в покое? – раздраженно буркнул он, взбегая по ступеням вверх. Дверь, взвизг-

нув пружиной, хлопнула. Передумав соваться к другу с вопросами, я подождала, пока собеседник Кая уйдет. После чего, выбравшись из засады, отряхнула подол юбки от налипших травинок, выпрямилась и направилась к воротам, чередуя мысли о парнях с мыслями о завтрашнем рабочем дне. Так что спросивший меня о времени мужской голос сначала вызвал приступ паники, и уже потом – нескрываемое любопытство. Соображала я всегда быстро, поэтому поняла, что вопрос был из тех, с чьей помощью незнакомые люди пытаются завязать разговор.

– Не имею представления. – немного нервно ответила я, пытаюсь разглядеть человека в темноте капюшона. Свое лицо я всегда прятала под вуаль, поскольку требования к внешнему виду в городе были строгими. Особенно для молоденьких девушек. Впрочем, никакой агрессии от незнакомца не чувствовалось.

– Вон там, – я вытянула руку, – площадь. На ней – башня ратуши. Если дадите себе труд пройти сто шагов и поднять голову, сразу увидите часы. Они такие большие, что со временем не ошибетесь.

Мужчина рассмеялся и пошел рядом.

– Вы здесь работаете? – Он кивнул головой назад, в сторону покинутого нами ресторанного дворика.

– Нет. – сказала ему. – А Вы?

– Тоже нет.

– А-а... – глубокомысленно заметила я. – Значит, кого-то

ждали? Только вход – с той стороны.

– А выход, рядом с которым Вы прятались, – невозмутимо парировал он, – с этой.

– Пряталась. – пришлось согласиться с очевидным. – Там, где устроили ночную разборку коты, котяткам делать нечего.

– Почему разборку? – удивился он. – Я пришел увидеться с сыном, который забыл, в какой стороне находится его дом.

– И как, увиделись? – Хотя мое любопытство пыталось вперед рассудка заорать «так Кай – Ваш сын?!», я сдержалась. Не стоит давать карты в руки тем, кто заведомо умнее.

– Разве не ты была нашему свиданию свидетелем? – иронично сказал мужчина.

– Нет. – Мы почти дошли до площади, и мне стало спокойней: пусть этот человек вел себя мирно, в нем все равно чувствовалась какая-то сила, которой я не могла дать название. – Знаете, – мне пришлось остановиться и повернуться к нему лицом. – Я – тот случайный прохожий, который ничего не видел из-за плохого зрения и не слышал из-за выборочной глухоты. Простите, но мне пора.

Развернувшись к нему спиной, я расправила плечи и, стараясь не сорваться на бег, пошла в сторону трамвайной остановки.

– До свидания, случайная прохожая! – крикнул он.

– Прощайте. – шепнула я и все же побежала, поскольку мой трамвайчик уже заканчивал круг и подъезжал к выстроившимся цепочкой пассажирам.

Всю обратную дорогу, глядя в окно на огни фонарей и прячущиеся от них синие сумерки, я мучилась сомнениями: может, все же стоило разговорить этого таинственного дядьку? Но с другой стороны... обычный отец обычного парня лицо под капюшоном не спрячет и тайком в поздний час к задним дверям ресторана не идет. Кто же такой Кай? Синеглазый красавец-студент, подрабатывающий официантом и скрывающий от всего мира влечение к парням? Сын влиятельной семьи, пытавшейся заставить его пойти по стопам предков, или же выгнанный ей неудачник? Не знаю... у меня не было фактов, подтверждающих или опровергающих мои мысли. И от этого тайна его жизни становилась для меня все притягательней. Но возможности встретиться, чтобы спокойно поговорить наедине, у нас не было.

***

И вот, поднимаясь каждое утро с кровати, первым делом я спешила к окну и с затаенной надеждой отдергивала шторы: вдруг дождь, этой осенью промочивший не только стены, но даже камень дорог, выплакал все свои слезы и обнажил забытое нами небо? Но нет... Похоже его прозрачные капли однажды сменятся белой крупой, которая на два долгих месяца спрячет от нас синеву небес и всю здешнюю землю.

– Талья!

В мою комнату, как всегда без стука, влетела готовая к педагогическим подвигам Вайта. За неимением студенток она принялась оттачивать свое мастерство на мне.

– Ты почему до сих пор в пижаме?

Пока я поворачивала голову, чтобы пожелать ей доброго утра, она уже разожгла висевший на стенке светец и принялась заправлять мою постель, одновременно рассказывая о вечернем разговоре с младшим братом. Правда тут же остановилась и, сраженная пришедшей в голову мыслью, крепко прижала к своей груди мое покрывало.

– Отдай! – Я дернула, но в моменты подобного вдохновения то, что попало в ее руки, лучше вообще не трогать. Не отдаст. – Что ты снова надумала?

Ее сияющие глаза посмотрели на меня, а губы медленно расплылись в улыбке.

– Талья!

– Ась? – Назло всему я снова попыталась извлечь из захвата покрывало.

– Если тебе не нравится мой брат...

– Как он может нравиться, если я его ни разу не видела? – Отчаявшись отнять у нее свою вещь, я сначала села на кровать, а потом, подоткнув под ухо подушку, растянулась на простыне.

– Вот и я о том же... – Вайта плюхнулась рядом и взяла мою руку. – Талья! Ты не расстроишься, если вместо тебя я познакомлю с ним госпожу Юха? Она такая скромная, такая нежная... Никогда не скажет резкого слова.

Когда затуманенный мечтами взгляд Вайты остановился на мне, я поняла, что после с размахом проведенных кани-

кул статус подруги, конечно, останется неизменным... но вот в качестве родственницы моя кандидатура стала вызывать некие сомнения.

– Не расстроюсь. Но захочет ли этого наша коллега? – Заметив на лице Вайты удивление, я воспользовалась моментом и все же забрала у нее покрывало. – А теперь пересядь, пожалуйста, в кресло и подумай над тем, какими словами станешь ее убеждать.

Поскольку брат для Вайты был самым лучшим мужчиной на свете, она никак не могла понять, почему другие девушки этого не видят.

– А что, – она отошла к окну, – надо говорить? Он молод, состоятелен, хорош собой и хочет жениться на той, которая могла бы вести домашнее хозяйство и воспитывать детей. Разве цель нашей жизни – не служение этому идеалу?

– А работа? – Поплескав из кувшина на лицо, я наскоро причесала короткие волосы и встала перед зеркалом, чтобы прицепить к затылку шиньон. – Неужели ты готова бросить школу ради однообразного и скучного быта?

– Моя мама всю жизнь была домохозяйкой. – сказала Вайта. – И ни один человек не упрекнул ее в глупости или простоте. Именно она, рассказывая всякие истории, привила нам любовь к знаниям. Поэтому мы – очень счастливая семья!

С тяжелым вздохом завязав на себе корсет, я нырнула в нижнюю юбку и поинтересовалась:

– Тогда отчего ты далеко от дома и не замужем, а твой братец до сих пор не женат?

Подруга нахмурила тонкие брови и посмотрела, как я поправляю на себе платье.

– Ты же знаешь, как я хочу любви! Настоящей, нежной, ветреной... с цветами и прогулками. Страстными объятиями и головокружительными поцелуями! Клятвами в вечной верности и предложением руки и сердца! Потом – долгого сватовства, помолвки и... шикарной свадьбы под соснами в парке моего дома.

– А-а...

С платьем я справилась. Теперь пришла очередь фартука.

– И не смейся, пожалуйста!

– Не смеюсь. – Фартук был пристегнут, а сумочка – подвешена к поясу. – Но, может, у госпожи Юха на жизнь иные планы?

Вайта поднялась и взяла меня за руку.

– Собралась? Тогда пошли. А Лайну я все же спрошу. Вдруг она еще не успела обзавестись приличным женихом?

Повернув в замочной скважине ключ, я улыбнулась:

– Если твой братец похитит нашу новую преподавательницу, госпожа Вейдо тебе этого не простит!

***

Отзанимавшись со студентками все семь уроков, я передала последнюю группу дежурному воспитателю, и направилась в кабинет той, о которой утром так неосторожно упомя-

нула. Вроде никаких проступков за мной не числилось, план работ был утвержден и подписан... Ну не поболтать же звала меня директриса на самом деле!

Секретарша, у которой я спросила позволения войти, кивнула мне с таким видом, словно я – мелкий гном, пробирающийся через крысиный лаз на королевский эльфийский бал. Догадываясь, что гномы имеют привычку таскать с собой драгоценные камни даже в баню, крыска-привратница милостиво кивнула головой, и я взялась за ручку тугой двери сразу обеими руками.

– Здравствуйте! – Пыхтя от натуги, я просунула голову в образовавшуюся щель. – Госпожа Вейдо, к Вам можно?

– Талья, девочка! – Сидевшая за столом директриса тотчас оттуда выпорхнула и, подойдя ко мне, легко, как пушинку, распахнула толстую створку. – Скорее заходи! Маттина, сделай для нас два ромашковых отвара! С шиповником и медом! – крикнула она секретарше, имени которой я до сих пор не знала. – Садись вот сюда...

Она лично подвинула для меня кресло и сама уселась напротив. Кажется, от удивления мои брови поползли вверх, что не укрылось от внимательных глаз рассмеявшейся директрисы.

– Давненько мы с тобой вот так, по-дружески, не разговаривали! – произнесла она, разглядывая мое покрасневшее лицо. – Как тебе наши новенькие? Некоторые из них просто горят желанием учиться!

– Ну... да. – согласилась я. – Особенно первый курс. Опрятные, умненькие, дружные девочки. Мои, уже второгодки, до сих пор ладонью нос вытирают...

– А госпожа Юха? Она освоилась? Знаю, Вайта пыталась с ней подружиться. – продолжила госпожа Вейдо, поблагодарив злобно глянувшую на меня секретаршу за чай. «Интересно, – промелькнуло в голове, – она в мою чашку не плюнула?»

Покрутив ложечкой левый, а затем правый водоворот, я покачала головой.

– Госпожа Юха – неплохой художник. Как человека я ее не знаю. А в качестве преподавателя она, похоже, скучна.

– Действительно? – Директриса подалась ко мне, стараясь заглянуть в глаза. Интересно, что ей хотелось там увидеть? Так вот, никаких мыслей о новой преподавательнице у меня не было, поскольку наше общение ограничивалось утренним кивком головы в учительской.

– Так говорят девочки. – Я пожала плечами. – Господин Туйвэ, несмотря на некоторые психологические проблемы, любил живопись и заражал своей любовью наших студенток. Помните, сколько выставок было в том году? А сейчас, по прошествии трех декад с начала учебного года – ни одной. Похоже, она поглощена своими мыслями больше, чем работой с детьми.

– Ясно... – госпожа Вейдо мягко улыбнулась и взяла меня за руку. От неожиданности я уронила ложку на стол, и

она, прозвенев по поверхности, замерла на самом его краю в раздумье об отсутствии крыльев. Но директриса не дала ей упасть. – Талья, детка, скажи, а как твои дела? Может, тебя что-то беспокоит?

– Что именно? – Сухие ладони начальницы были горячими, и моя рука начала противно потеть. Я снова покраснела.

– Все-таки ты, наша самая юная коллега, еще недавно видела не совсем приятные вещи...

– Какие? – Наморщив лоб, я попыталась хоть что-то вспомнить, но так и не смогла. – Извините, а что именно я должна была увидеть?

– Я говорю о Райле Войрениа и Сарье Вройна. Именно ты поняла суть их нездоровых отношений...

– Любые человеческие отношения здоровыми не назовешь. – Моя ладонь, к несказанному облегчению, вновь стала свободной. – Даже в паре друзей один – лидер, другой – ведомый. Вайта, например, все свободное время проводит в моей комнате. – Тут же нажаловалась я, пытаясь уйти от скользкой темы. – И пока она перекладывает мои вещи или стирает с книг пыль, я вынуждена слушать ее фантазии о замужестве. Моя психика страдает, а она садится рядом и так проникновенно говорит: «Талья, малышка, как жаль, что ты некрасива! Если бы твои волосы были светлыми, мой брат без раздумий на тебе бы женился!»

Глядя на мою мимику, директриса рассмеялась, но потом снова стала серьезной.

– Неужели только из-за внешности ты состригла свою косу?

Мое сердце бухнуло и потом застучало часто-часто, как у пойманной в клетку мышки.

– Волосы... – я схватилась рукой за шиньон. – Нет, это совсем другая история...

– Какая? – Взгляд госпожи Вейдо светился теплым вниманием, и голос был чрезвычайно настойчив.

– Я небогата... – мои пальцы ухватили салфетку, а на ресницах повисла с трудом выдавленная слеза. – Тогда, в овраге... мое пальто пришло в негодность. Зимы здесь холодные... Мне понадобились деньги на новое, но беспокоить родных всякими пустяками не хотелось. Вот поэтому...

Я покаянно вздохнула и выдавила еще слезу. Боже, в детстве такие трюки удавались гораздо легче!

Теперь вздохнула директриса. Но не тяжело, а, как мне показалось, с облегчением.

– Что же ты не попросила аванс? – ласково спросила она. – Мои замечательные учителя не должны расстраиваться и портить собственную внешность по всяким пустякам!

– Мне стыдно просить, ведь я совсем недавно тут работаю... – промолвила я еще тише, чувствуя, как напряжение, звучавшее в голосе начальницы, куда-то ушло.

– Прошу, дорогая, считай меня своей мамочкой и не держи в этой милой головке вопросы, на которые не знаешь, как ответить. – вновь защebetала женщина. – Выход из положе-

ния найдется всегда, особенно если хорошенько посмотреть по сторонам.

«Уже нашла», – ухмыльнулась я про себя и тут же озадачилась целью нашей беседы. Меня вызвали только потому, что по какой-то причине я состригла волосы? Неужели?

– Вот и отлично. Значит, ты мне доверяешь? И больше не станешь решать проблемы в одиночестве?

– Конечно. – Я встала. – Можно идти? Хотелось бы занять моих подопечных настольной игрой. Погода-то какая! В сад не выйдешь.

– Подожди. Мы еще не закончили. – В голосе моей заботливой начальницы послышался стук закрываемой двери и скрип повернутого в замочной скважине ключа. – Садись.

– Да? – Пришлось, как она просила, опуститься на краешек стула.

– Знаешь, Талья... – госпожа Вейдо замялась. – Тебя желает видеть... господин Соймель.

– Нет! – Сердце наполнилось страхом, а сознание ускоренно прокрутило записи наших двух бесед. – З-зачем?

– Ну же... Не стоит пугаться. – Директриса улыбнулась. – Возможно, потребуются кое-какие уточнения по тому досадному делу. Ты не знаешь, но господин Тильвор Ройнэ, отец Райлы, хочет подать на гимназию в суд для взыскания компенсационных выплат несмотря на то, что девочка год закончила. Поэтому тебе, вместе со мной разумеется, придется проехать в центральное отделение полиции. Прямо сейчас. –

Директриса бросила взгляд на часы. — Через м-м... уже через пол-оборота сюда подъедет экипаж. Так что будь добра, переоденься во что-то более элегантное.

От таких настойчивых приглашений простые граждане обычно не отмахиваются. Кивнув, я молча поклонилась и быстро вышла за дверь. А если бы я отказалась? Судя по взглядам секретарши Маттины, мои документы было приказано достать из общей папки и подготовить к увольнению. Не понимаю, что плохого в том, что именно я настояла на поисках этой несчастной девушки?!

***

На этот раз томиться самим и утомлять ответственно-го дежурного нашими неважными для обеспечения спокойствия долины персонами не пришлось. Едва мы появились в холле, к нам тут же подошел офицер и попросил следовать за ним. Кажется, на его губах мелькнула улыбка. Хотя нет... В этой серьезной организации улыбаться, наверняка, запрещено.

Далеко и высоко, к моей радости, идти не пришлось. Кабинет заместителя начальника полиции находится на первом этаже за резными позолоченными дверями. Табличка с перечислением должностей и регалий (тут я оробела еще больше) тоже была золотой. Удивительно, но паркет под ногами скрипел, как самый обыкновенный, и давно требовал ремонта. Тогда на кого рассчитана вся эта блестящая пыль? Неужели одному эльфу обложка важнее содержания? Ну-у... Страх,

еще немного поборовшись со скепсисом за мой разум, подобно утреннему туману растворился в окружающей среде. Поэтому, шагнув следом за госпожой Вейдо в кабинет, я обрадовалась снизошедшему на меня покою.

– Господин Соймель! – Директриса склонилась в вежливом поклоне. – Примите мою благодарность за то, что Ваша забота о нашем скромном учебном заведении не имеет границ!

Я тоже поклонилась. Но молча. Интересно, в каком смысле он о нас заботится? Отрывает от работы по пустякам, или есть что-то, о чем я не догадываюсь? Когда страх прошел, в душе зашевелился интерес: как же я мало знаю о людях, которых встречаю каждый день... О тех, с кем вижу реже, и вовсе ничегошеньки не знаю! Что ж... придется эту оплошность исправлять.

Тем временем плавным движением руки Соймель отпустил подчиненного и предложил нам занять жесткие стулья, стоявшие напротив его стола. Не поднимая головы, я сделала несколько шагов назад и, расправив черную юбку, осторожно опустилась на край. Спину, согласно этикету, я держала прямой, а ладони – сложенными на коленях.

– Госпожа Вейдо, госпожа Мирей... спасибо, что так быстро отозвались на мое приглашение. – прозвучал в тишине наполненный холодным ветром голос.

– С радостью ответим на все ваши вопросы!

Если честно, то пыл, с которым директриса отозвалась на

слова полицейского, был... излишне горяч.

– Нужно кое-что уточнить. – Интонациями Соймеля можно было заморозить воду.

– Да-да! Мы внимательно слушаем! – Похоже, госпожа Вейдо уже разожгла костер. Интересно, рассмотрит ли господин эльф среди поднятого ими обоими пара искомое зерно истины?

Пока, опустив ресницы, я предавалась подобным размышлениям, господин Соймель открыл здоровущий гроссбух и громко хлопнул его картонной крышкой о столешницу. Вздвогнув, я оторвала взор от пола, опрометчиво приподняла ресницы и тут же содрогнулась от пристального взгляда светящихся зеленых глаз. А еще у меня появилось ощущение, что некто пытается прочесть мои мысли. Вспомнив, что магистры прошлого с этим нелегко, но справлялись, я внутренне заметалась. И лишь представив лицо любимой мамы, снова успокоилась. В конце концов, что мне скрывать? Пожалуй, самым большим проступком в моей жизни была кража пары эрминских яблок из соседского сада в семилетнем возрасте. Правда, меня сразу поймала няня и отвела к отцу. Ту беседу о бесполезности воровства я запомнила на всю жизнь. Действительно... То, что легко пришло, так же легко и уйдет. Зато заработанное трудом, как и память об этом, останутся с тобой надолго. Глаза Соймеля, словно уловив представленный мной образ, сразу погасли.

– Вопросов будет немного. – Заместитель начальника от-

кинулся на спинку своего кресла и посмотрел в лежавший перед ним журнал.

– Да, конечно же, задавайте! – Не разочаровала его госпожа Вейдо.

– Тогда первый мой вопрос адресован Вам. – Соймель со слабой улыбкой посмотрел на директрису. – Я понимаю, как непросто, по истечении времени, вспомнить тот день...

– Мы постараемся!

– Так вот... Нашей службой установлено, что Райла Войрениа погибла между восьмым и девятым утренним оборотом. Почему же тогда никто не заметил отсутствия девушки на завтраке?

– Ее класс вела госпожа Кошия. – Начала каяться директриса. – Так как она была замешана в происшествии, то промолчала. А девочки думали, что у бедняжки свидание с парнем...

– Значит, девушки отсутствие Райлы покрывали?

– Вероятно... – Госпожа Вейдо завздохала сильнее. – Вы же понимаете, что педагогам своим я доверяю, и по головам каждый раз девочек не считаю. А ту дыру в заборе мы сразу же заделали!

«Правильно. – согласилась я. – Новая гораздо удобней!»

– Спасибо, госпожа Вейдо. – Соймель поднялся, обошел свой стол и, остановившись перед покрасневшей женщиной, взял ее руку. Проникновенно глядя в глаза, чуть ли не с нежностью произнес:

– Ваша помощь, госпожа Вейдо, для нас бесценна! Позвольте, я лично провожу Вас к выходу...

Затолкав удивление таким скоропостижным допросом и вообще всей сценой подальше, я пристроилась за ними следом. Но, как только мы дошли до двери, Соймель обернулся.

– А Вы, госпожа Мирей, подождите моего возвращения в кабинете. – Кивком подозвав стоявшего в начале коридора дежурного, он приказал никуда меня не выпускать. Даже в том направлении, о котором редко спрашивают, но куда ходят все.

Я захлопала глазами, а директриса, чей локоть сжимал Соймель, лишь кивнула в ответ на мой немой, но полный возмущения вопль.

– Пожалуйста, барышня! – Молодой парень, похоже, мой ровесник, вежливо придержал для меня дверь и снова ее закрыл, как только я отступила назад.

Теперь страха в сердце не было. Только злость. Да что этому господину от меня надо? Успокоив мою подозрительность каким-то непринципиальным для следствия вопросом, он очаровал и сразу выпроводил растаявшую от комплиментов госпожу Вейдо. И зачем ему потребовалось остаться со мной наедине? Не в нежных же чувствах признаваться!

Я даже улыбнулась, представив красавца эльфа передо мной на коленях. Но все смешки сразу закончились, когда в кабинет вернулся его хозяин.

– Молчите? – спросил он, усаживаясь в свое кресло.

Я легонько пожала плечами.

– Жду Ваших вопросов.

– Угу. – ответил мужчина и, снова поднявшись, подошел к окну. – Госпожа Мирей! – Обернулся он ко мне. – Как же Вы, любопытное создание, не догадались посмотреть отсюда на площадь? Подойдите!

Так как это было не приглашением, а приказом, я подчинилась. А затем встала за его плечом.

– Перестаньте корчить из себя монастырскую послушницу! – произнес он с досадой и, коснувшись моего локтя, подтолкнул вперед.

Всмотревшись в наступившие сумерки, я удивленно обернулась и подняла голову вверх, чтобы разобраться в ожиданиях этого непостижимого существа.

– Взгляните, – он кивнул вперед, – за окном – то ли дождь, то ли туман. Большие лужи едва отражают свет ярких фонарей. Как считаете, что в этом сюжете можно назвать ложью? Ну же, не стесняйтесь! Я уверен, в Вашей головке водятся прелюбопытные мысли!

– Ладно. – Сложив перед лицом ладони, я уткнулась в них холодным носом. И почему этот господин кажется мне ожившей глыбой льда? Но сказала я совсем о другом. – Ложью? Наверно, все. День меняется ночью, а солнечный свет – тьмой. Когда идет дождь, камни становятся мокрыми и скользкими. То, что крепко держало ноги еще вчера, сегодня стало катком. Вот сейчас я вижу экипаж... Но через

минуту его смутная тень останется лишь в моих воспоминаниях. Если исходить из ощущений субъекта, то мир пугающе непостоянен. Или безумно привлекателен, поскольку внешние раздражители – всего лишь проекция внутренних чувств. А если объективно... нет правды и нет лжи. В любом случае, выбирая одну из сторон, ты все равно обманешься.

– Неплохо. – отреагировал на мои слова Соймель. – А теперь поговорим о деле. Итак, в богатом доме господина Ройнэ, имеющего одну официальную и двух неофициальных жен, подрастали две девочки от разных содержанок и мальчик постарше от жены. Заметь, женщин в этом доме никто нарочно не держал. Хочешь уйти – скатертью дорога. Но где еще, не прилагая больших усилий, необразованной женщине найти непыльную работу и обеспеченный быт? Только в постели хозяина. Господин Ройнэ богат и своих наложниц балует: то безделушку подарит, то новый наряд... А дети, без разбора на тех и этих, бегают вместе. Но что если неспособная к наукам, но хитрая от рождения девушка позавидует сестре, которую отдали учиться, и брату, с малолетства приставленному к семейному делу? Ведь ей, кроме красивого личика, больше уповать не на что.

Соймель задумался. А я, затаив дыхание, ждала звуков его голоса: мягкого, спокойного и, одновременно, звенящего трелями птиц и речными перекатами.

– Не заскучала? – Этот непостижимый эльф улыбнулся мне так, что в животе зашевелились бабочки, а мозг, про-

анализировав гормональный всплеск, быстренько вспомнил лекцию по психологии рас, в которой мой старый учитель рассказывал об эльфийском очаровании.

– Нет-нет... – смущенно коснувшись кончика длинного носа, я сразу пришла в себя. – Очень интересно. Продолжайте, пожалуйста!

Соймель повернулся к окну спиной и сел на подоконник. Его безупречное лицо оказалось чуть ниже моего, и я с завистью посмотрела на подрагивающие ресницы – длинные, пушистые и шоколадного цвета. Чуть более темный оттенок имели брови. А волосы... они действительно походили на настоящее мягкое серебро.

Едва заметно улыбнувшись, он покосился в мою сторону.

– Нравлюсь? – Вдруг спросил он.

– Нет! – Выпала я еще до того, как сознание сформировало достойный ответ.

– Это почему? – Он оттопырил губу и изобразил обиду. Я рассмеялась.

– Ну... Если честно, я Вас боюсь. – Сознание, побившись в стенки черепа, выпало в осадок. – И... слишком уважаю.

Теперь рассмеялся он.

– Действительно. Забыл: хороших девочек из хороших семей привлекают парни с изъязном, за который можно не только любить, но и пожалеть.

Он легко поднялся, сделал несколько шагов и снова уселся в кресло. Теперь нас разделяла ширина комнаты и стоявший

в ней стол. Мне стало чуть легче.

Положив ладонь на раскрытую тетрадь, он погладил лист и снова посмотрел на меня.

– Садитесь, госпожа Мирей. Итак, мы с Вами остановились на том, что правда и ложь – понятия субъективные.

Я пожала плечами и села.

– Следовательно, для достижения собственных целей, – продолжил он, – все средства хороши. Таким образом девушка Сарья, осознав, что все самое интересное проходит мимо нее, а ей, как и матери, предложили лишь ведро с тряпкой, решила взять нити Судьбы в свои руки. Зная о физиологическом аспекте отношений мужчин и женщин, она решила соблазнить сводного брата, который, подобно отцу, был любвеобилен без разбора и не очень дружил с головой. Не буду даже предполагать, как именно, но она своего достигла и тут же пришла к господину Ройнэ с требованиями либо свадьбы, либо богатого содержания. Потирая руки, она думала, что ее отец испугается за Койни и пойдет на уступки. Но... девушка не знала законов. А Тильвор Ройнэ знал. Если в разговоре с сыном он ограничился подзатыльниками, то Сарью тут же отправили в загородное имение под наблюдение и контроль дворецкого. Ничего, что я рассказываю нежной романтичной девушке о грубой прозе жизни? – Соймель вдруг перебил сам себя.

Я вздохнула.

– Не знаю. Мне кажется, каждый из нас, вне зависимости

от обстоятельств, в конце концов создает ту среду, в которой ему приятно страдать, радоваться или остаться ко всему равнодушным. Когда я была маленькой, то бегала по городу со своими друзьями: девчонками и мальчишками. Их семьи имели разный достаток. Теперь, когда мы выросли, сын градоначальника предпочитает курить дурман и существовать в навеянных им грезах. А сын башмачника второй год учится в универе. Оба вполне довольны существующим положением вещей.

Соймель кивнул и продолжил свой рассказ.

– Там, в загородном имении, красавица Сарья очень скупчалась и вынашивала планы мести. А еще – зачатого ее братом ребенка. Конечно же, дворецкий, видя покорность красивой женщины, немного расслабился и недоглядел, что наша звезда сумела ослепить садовника – простого молодого парня. И они вдвоем подготовили побег. Но так случилось, что в дороге начались роды. Не имею представления, куда девался младенец, но когда садовник привез Сарью в город, она истекла кровью. Однако месть, даже под ручку со смертью, дело святое. И она уговорила возлюбленного отвезти ее к той, что верила ей безоговорочно. Ну а продолжение, – Соймель вытянул под стол ноги, – ты знаешь.

– Вы уверены, что все было именно так? – осторожно спросила я.

– Уверен. – Он побарабанил пером о стол. Посадив на чистую поверхность кляксу, едва заметно поморщился и поло-

жил на нее лист впитывающей бумаги. – Вызванный госпожой Вейдо акушер подтвердил ее роды. Так как ни родственников, ни младенца рядом с юной роженицей не было, он был вынужден оповестить полицию.

– А Райла... Она знала более достоверный вариант... приключений своей сестры?

– Знала. Но среди людей распространена такая категория заблуждений, как любовь. Райла очень любила Сарью. И пообещала отцу, что по окончании гимназии возьмет обеспечение сводной сестры на себя. Ее словам, в отличие от слов госпожи Вройна, можно было верить. В свободное от учебы время Райла работала. А господин Ройнэ перечислял на ее счет деньги. Койни, не считая себя виноватым, небольшие суммы тоже выделял. На той самой встрече, после которой так глупо оборвалась жизнь вашей студентки, девушки договорились о выплатах взамен расписки Сарьи об отсутствии претензий. Но диалог, увиденный господином Туйвэ, показался ему, задавленному материнской строгостью сыну, слишком эмоциональным. Не поспеши он с утешениями, Райла осталась бы жива.

– К чему Вы мне об этом рассказали? – спросила я, когда пауза слишком затянулась.

– Вы, госпожа Мирей, слишком наивны и легко верите чужим словам. Чтобы рассматриваемый Вами случай из эмоционального мнения одного субъекта сделался правдивой историей, не стоит ему сопереживать. Почему Вы пытаетесь

взвалить на свои хрупкие плечи чужую ответственность? Из чувства жалости? А теперь, после всего услышанного, как считаете, кто из участников известной Вам драмы на самом деле этой жалости достоин?

Тут я сразу вспомнила умоляющие глаза Сарьи и поежилась. Как всегда, Соймель оказался прав: чтобы знать целостную картину, нужно выслушать всех, кто к ней причастен. И только после этого делать выводы. А я-то как гордилась своей проницательностью! Стыдоба...

– Спасибо, господин Соймель. – Я встала. – Простите, что Вам пришлось тратить на меня свое драгоценное время.

– Угу. – ответил тот и бросил в корзину ошипанное перо. – Надеюсь, Вы поняли, что жалости недостоин никто, но каждый получает причитающееся. Прощайте, госпожа Талья Мирей!

Его голос снова наполнился звоном бьющего в стекло льда.

Я сглотнула застрявший в горле обидный ком, шагнула к двери и... остановилась.

– Но почему Райла, сделавшая только добра, умерла?

– Потому. – Господин Соймель вытащил из подставки новое перо. – Разве Вы не поняли, что без красавицы Сарьи ее существование потеряло всякий смысл? Все мысли и планы на будущее строились вокруг их совместной жизни в маленьком домике у моря. Получая от сестры деньги, госпожа Вройна эти надежды поддерживала. Но когда нашелся муж-

чина, готовый назвать Сарью своей женой, иллюзии госпожи Райлы растаяли, как дым. Ей незачем было дальше жить. Идите, госпожа Мирей. И не пожалейте денег на извозчика, поскольку на улице темно.

Присев в поклоне, я сочла нужным как можно быстрее обратиться с его глаз. Боги... какая же я наивная дура!

Настроение после разговора с заместителем начальника полиции стало... удрученным. Но не таким, когда хочется лечь и порыдать в подушку о своей никчемности. Хотелось какого-то движения, поступка... пусть даже странного, выбивающегося из образа послушной дочери и старательной, незаметной учительницы.

Остановив извозчика, я села в подушки его экипажа и уже приготовилась назвать адрес гимназии, как вдруг мой язык сам произнес улицу с номером дома, где жил господин Горс. Дяденька в плаще кивнул и тронул лошадь с места. А я прижала ладонь ко рту. Боги, что я делаю? Неужели захотелось рассказать старому гному о собственной глупости? Вздохнув, я вдруг поняла, что он и так о ней знает. Недаром отговаривал стричь косу! Еще одной недопустимой глупостью было мое переодевание в мальчика и работа на кухне. Если о таком услышит мой отец... Даже боюсь думать о последствиях. И как у господина Соймеля хватило терпения объяснять столь простые жизненные истины совершенно чужому для него существу и, тем более, человеку?

Тяжело вздыхая, из-под тента я смотрела на мокрые чер-

ные улицы, тусклые огоньки фонарей и мечтала оказаться в родном доме, рядом с матушкой... Она бы погладила мои короткие волосы и сказала, что день вчерашний обязательно сменится завтрашним. Страхи и грусть пройдут, а опыт и знания навсегда останутся с тобой. Как же хотелось закрыть глаза и прижаться к ее теплой руке щекой!

– Госпожа! – Вернул меня с небес на землю кучер. – Мы приехали!

Оплатив поездку, я поблагодарила возницу и направилась к знакомым зеленым ступеням, над которыми тлел едва заметный светец. Но окно над «салоном», как называл свое заведение господин Горс, было ярко освещено. Конечно, по головке меня тут не погладят, но на чашку хорошего чая и неспешный рассказ о блистательном прошлом хозяина я всегда могу рассчитывать.

Толкнув незапертую дверь, я крикнула в теплую пустоту крохотного зала с зеркалами:

– Дядюшка Горс! Отзовитесь!

– Ого-го! – Послышался изнутри знакомый голос, и деревянная лестница тотчас заскрипела под тяжелыми шагами. Наконец занавесь, скрывающая дверной проем, отодвинулась, и в зале появился хозяин, сразу обнаруживший в царившем тут сумраке мою персону.

– Дочка! Чего так поздно? – щелкнул выключатель, и мой добрый гном, шаркая по полу разношенными тапками, пошел мне навстречу. – Никак снова к куму бегала?

– Дядюшка! – Я без стеснения протянула ему ладони и положила голову на могучее плечо.

– Э, девушка! Да ты, никак, плакать собралась? – встревожено спросил он. – Что случилось? Неужто кто посмел обидеть мою славную малышку?

Не знаю почему, но мне этот совершенно чужой дядька казался таким родным! Возможно оттого, что с детства чувствуя материнскую защиту и отцовскую опеку, я растерялась, столкнувшись с путанными тропами чужих судеб. Он же, заметив этот страх, просто принял меня под свое уверенное и сильное крыло.

– Никогда не думала, что можно вот так жить... – хлюпнув носом, закончила я рассказ о встрече с господином Соймелем.

– Не думал, что сей надменный тип снизойдет до обычного разговора с простой смертной. – удивился гном и погладил распушившуюся бороду. – Это все, что он сказал?

– Ну да. – Кивнула я. – Дяденька, неужели то, что он поведал о семье Ройнэ – правда?

– Правда, дочка. – Горс покачал головой. – Так тут многие живут. Отношений не афишируют, но и мужчин, и взятых ими в свой дом женщин такие отношения устраивают. А то, что произошло с девушкой – всего лишь стечение обстоятельств.

– А если бы Райла не погибла? – Я с волнением заглянула в серые глаза, прикрытые падающими на них седыми бровями.

– Поплакала бы и продолжила жить дальше в надежде, что сестра снова окажется рядом. Такие, как Сарья, не умеют радоваться подаркам судьбы. А их зависть не имеет границ. Вообще-то, – он повернул меня к себе лицом, – выброси из головы все эти печальные мысли.

– Уже. – Я грустно улыбнулась.

– Вот и молодчинка. – Он подвел меня к коммуникатору, стоявшему на полке у стены. – Набери-ка своей директрисе и отпросись на пару оборотов.

– Зачем? – Промокнув платком нос, я с удивлением посмотрела на гнома.

– Затем, что мы пойдем веселиться.

– Неужто в цирк? – Настроение, упавшее после разговора с господином Соймелем, начало потихоньку подниматься, и на губах появилась улыбка.

– Не люблю позерство, замешанное на безрассудном риске. – ответил дядюшка Горс, отыскивая в своих занавесках плащ. И только украсив голову шляпой, вспомнил, что так и не сменил домашние штаны. Хлопнув себя по лбу, он расхохотался и пошел в жилые комнаты, заручившись моим обещанием никуда не уходить. Я кивнула и набрала номер госпожи Вейдо. Достойная женщина, услышав, что я нахожусь у дяди в городе, с удовольствием отпустила меня до отбоя.

Однако господин Горс был настроен решительно. Я поняла это не только по выражению его лица, но и по ослепительному, в прямом смысле, костюму, который от дождя он при-

крыл плащом.

– Может, просто чайку с пончиками попьем? – Сделала я последнюю попытку вернуть достойного парикмахера на стезю благоразумия. – Мне завтра рано вставать. К тому же незамужней женщине неприлично появляться на улицах после восьмого вечернего оборота!

– Кто бы говорил! – Хмыкнул гном, надевая шляпу. – Или не ты еще совсем недавно бегала в мальчишечьей одежде, подрывая моральные устои? – Его мохнатые брови грозно сошлись у переносицы, а во взгляде мелькнула искра. – Не будешь давать душе свободу, совсем сойдешь с ума в своей богадельне вместе со старыми девами!

– Девочек к гимназии больше, чем дев! – Пока меня тащили за руку к углу, где можно было поймать экипаж, я попробовала восстановить справедливость.

– По-моему, это одно и то же. – Заметил гном, размахивая вытасненным из кармана носовым платком, на светлый маячок которого из темноты вынырнула лошадь. – Ну-ка, садись! – Скомандовал он мне, а кучеру бросил отрывистое «трогай».

Конечно же, мы поехали в ресторан господина Сурвея. Смутьившись, поскольку никогда здесь не была в качестве гостыи, я опустила до подбородка вуаль.

***

Блистая украшенным самоцветными камнями сюртуком, гном важно вошел в зал, крепко зажимая в своей огром-

ной ладони мою руку. Кажется, я согнулась и попыталась стать меньше ростом. Хотя из фигуры даже юной гномки можно выкроить двух меня, очень не хотелось, чтобы на нашу странную пару хоть кто-то обратил внимание. Но взгляд подошедшего к нам старенького мэтра, которого практичный господин Сурвей держал вовсе не из уважения к преклонному возрасту, а за то, что тот сразу определял, для чего и с какими средствами пришел клиент, теплился радостью и благодушием. Даже мне, знавшей всю подноготную здешнего бизнеса, стало немного легче.

– Господин Горс, барышня, – мягко сказал этот невысокий, сухонький и седой человек, – у нас как раз есть резервный столик в дальнем углу у окна. Очень подходит тем, кто не любит внимания и хочет посидеть в тишине.

– Отлично! – Дядюшка Горс, не выпуская моей руки, направился следом за мэтром. Я не противилась, так как с выбором была согласна. А еще утешало то, что в полутьме зала и со спущенной на лицо тонкой вуалью вряд ли кто-то, кроме глазастого Тимчина, сможет меня узнать. Но вместо маячившего неподалеку Тима к нам внезапно подошел Кай.

– Прошу господ выбрать блюда. – мягко сказал он, положив передо мной и дядюшкой Горсом каталог. – Вот эти вина, – перед гномом оказалась винная карта, – не только помогут забыть угрюмую сырость осеннего вечера, но и создадут отличное настроение!

Помедлив, он ехидно улыбнулся.

– Дядюшка Горс, поделитесь секретом: как у вас получилось вызволить нашу затворницу из стен спрятавшей ее крепости?

Я вытаращила глаза, а гном рассмеялся:

– Оказывается, встречающий гостей старый перечник еще не вышел в тираж!

– Как всегда, бодр и внимателен ко всем гостям! А также, посылая меня обслужить ваш столик, так многозначительно подмигнул... Я даже подумал, у него что-то с лицом или мозгами. Но нет! Дядюшка Горс... очень, очень рад Вас видеть!

– А меня? – я обиженно задышала.

– И тебя, Тэй! Кстати, вуальку приподними и помаши выпрыгивающему из раздаточного окна Фэйто.

Не выдержав, я фыркнула. А закрепив на шляпке вуаль, помахала Фэйто и улыбнулась Каю.

– Привет, брат! Не знала, что вы с дядюшкой Горсом знакомы.

Теперь фыркнул гном.

– Ну ты, девка, даешь! Нашла братца...

– Тебе, дядюшка, я, скорее, племянник. – Кай оглянулся на свои столы. – Вы пока выбирайте. Как освобожусь, сразу подойду.

Когда он ушел, я укоризненно посмотрела на Горса. Тот притворно-сердито взглянул на меня.

– Тебе замуж пора. А ты все в детство играешь!

– Не за Кая же! – заметила я, остановив выбор на цыплен-

ке и овощном гарнире под сладким соусом.

– Розового, чтобы крепче спалось, выпьешь? – спросил гном, не обратив внимания на мой ответ.

– Нет! Я детей учу!

– Здесь? Каких? – Он покрутил головой, а я уткнулась в сложенные лодочкой ладони, чтобы никто не слышал моего хрюканья.

– Завтра!

– Завтра будет завтра. – Горс сам себе кивнул. – А сегодня, прошу, составь старику компанию. Градусов там... всего ничего. Легкий виноградный лимонад сделает твои щечки розовыми, а уставшие глазки – блестящими.

Вспомнив про то, как парни затащили меня пить с ними пиво, я улыбнулась. Действительно, от бокала – другого хорошего вина со мной ничего не случится.

Кай вернулся к нам с полным подносом. Там был и мой цыпленок, и ребрышки для дяди Горса, мясные рулетики, нежный сыр и кусочки тающей во рту рыбы... А еще – розовое вино и прозрачная янтарная жидкость в графине. Помнится, мне было лет десять, когда родители взяли нас с сестрой в гости к державшей виноградники тетке. Там мой папа, выпив всего несколько глотков чего-то подобного, к стыду мамы ткнулся носом в сложенные на столе руки и проспал весь вечер. Положим, отец не знал, что пьет. Но дядюшка Горс, думаю, знает?

Составив кушанья на стол, Кай нагнулся к моему уху так,

словно желал приятного аппетита и шепнул:

– Наш договор о прогулке остается в силе? Ты не передумала?

– За такой срок могла бы... Но вот Талья, моя подруга, желая доброй ночи или прекрасного утра, говорит, что из-за моих невыполненных обещаний однажды превратится в старую деву и назло мне уйдет в монастырь. Тогда я, по ее мнению, буду плакать и умолять о прощении до самой смерти. Но она не простит. И даже после того, как ее хладные останки упокоятся в фамильном склепе, останется рядом со мной в виде призрачного укора.

– Ужас. И хоть мне тебя совсем не жаль, поскольку с тобой не справится даже привидение, все равно обещания надо исполнять. Поэтому, вне зависимости от погоды, мы едем к озеру в ближайшие выходные! Обрадуй подружку.

Не дав ответить, он выпрямился. Затем, наливая в бокал дядюшки Горса крепкий напиток, небрежно произнес:

– Между прочим, сегодня гостей развлекают не только музыканты, но и сами гости. Петь, танцевать, рассказывать истории умеете? Могу записать вас в очередь. В качестве поощрения – десерт от заведения по выбору!

– Нет, спасибо. – Я покачала головой. – Не хочу участвовать в придуманном мной же дурацком спектакле.

– Как знаешь. – Кай улыбнулся и, поклонившись, ушел к своим столикам.

Мы с господином Горсом успели выпить, я – глоток, а он

– фужер целиком, и даже отведать восхитительно приготовленное мясо, когда к нам подошел улыбающийся до ушей Тимчин. Поинтересовавшись нашими пожеланиями и порадовавшись моему присутствию, он неожиданно подмигнул и, склонившись, как недавно Кай, негромко произнес:

– Никогда бы не подумал, что ты, вся такая правильная леди, когда не в штанах...

Мне захотелось ткнуть ему в бок кулаком, но, вспомнив о леди, я передумала и снова напряглась, услышав продолжение его слов.

– ...захочешь вечером выступить перед публикой!

– Что?!

Из миндалевидных мои глаза, кажется, стали квадратными.

– Кай сказал, что ты охотно записалась. – Похлопав ресничками, мило улыбнулся один из этих пройдох. Подняв голову, я как-то сразу увидела пославшего мне над головами публики воздушный поцелуй Кастия и Брайса с Фэйто, выглядывающих из кухни с задранными вверх большими пальцами. Поймав мой сверкающий возмущением взор, они снова предпочли скрыться.

– А что, девонька, порисуй нам свои талантливые картинки – погладил бороду гном, – и докажи этим обормотам, что такая девушка, как ты, намного интересней и выше неких студентов, уже мнящих себя дипломированными магистрами!

– Магистрами? – удивилась я.

– Ну да. – Горс промокнул салфеткой попавший в вино ус. – Кай учится на последнем курсе нашего университета. В следующем году хочет поступить в магистратуру Вожеронской Академии. Кастий и Тимчин – на третьем. Фэйто – на втором. Умненькие ребяташки. Так и ты, девонька, чистое золотце!

Несмотря на похвалу, я приуныла: здешний университет давал очень хорошую подготовку по многим специальностям. Учиться в нем считалось делом престижным. А лучшие из лучших могли рассчитывать на получение направления в одну из четырех Академий континента. Получается, Кай...

– Дядюшка Горс!

– Да, дочка?

– Значит, у Кая... есть магия?

Гном посмотрел сквозь хрусталь фужера на подвешенную в центре зала люстру и медленно поднял плечи.

– Чего не знаю, того не скажу. – расплывчато ответил он. – Но парень он хороший. Пусть сейчас, по молодости, делает глупости и бунтует, но в будущем обязательно себя покажет. Глядишь, и отца затмит. А ты, девочка, – гном посмотрел на меня, – позаботься о перспективах сейчас. Покажи этим дуралейм, что ты – не мальчишка на побегушках, по недоразумению родившийся девчонкой, а красивая женщина с тонко чувствующей душой.

– Дядюшка! – Я рассмеялась. – Да Вы, никак, меня сватаете?

– Тебе – двадцать один годок...

– Не нужно. – Я выпила еще вина. Его нежный и тонкий вкус, растаяв на языке, пробудил в сердце поникшую сегодня гордость. – Парням – еще учиться и учиться. А потом, когда они найдут достойную, в соответствии со статусом, работу, их родители позаботятся о браке с той, что будет отвечать их положению в обществе. Для них я останусь просто приятным, веселым воспоминанием...

Вино побежало дальше и, разогрев даже пальцы ног, вернулось вместе с кровью к сердцу, подарив ему свою искристую бесшабашность.

– Сегодня рисовать публику точно не стану. Это уже было. – Я покачала бокал, изобразив в его крохотном озере приливную волну. – Зато петь может не только моя сестра. Меня тоже обучали вокалу и игре на инструментах. Но мне по душе кисти с красками, а младшенькая с детства грезит сценой. Однако не думаю, – я задрала нос, – что у нее хватит настойчивости. Ведь куда проще выйти замуж и тешить самолюбие жидкими аплодисментами подруг!

– Молодец, Талья! – Гном дзинькнул своим бокалом о край моего. – Осторожность с опытом все равно придут. Так что не разменивай на них свою молодость. Будь собой, веселись, радуйся жизни... А тот, кто укоряет тебя в просчетах – обычный лицемер, завидующий твоей юности. Поняла, доч-

ка?

– Спасибо! – От души улыбнувшись, я допила вино и посмотрела по сторонам. Музыканты, доиграв последнюю мелодию, опустили руки и посмотрели на мэтра, поднявшегося к ним на сцену.

– Господа! – Сказал он своим негромким хриловатым голосом. – Как вы знаете, наше заведение делает все, чтобы гости не только вкусно поели, но и приятно провели вечер.

– Да-а! – Закричали с мест отдельные голоса завсегдатаев.

– В этот раз нам хочется, чтобы именно вы, наши дорогие посетители, раскрыли друг перед другом свои удивительные таланты. Быть может, кто-то хорошо поет? Или танцует! А кто-то знает кучу веселых историй. Прошу, поделитесь ими с окружающими! Мне говорят, – он наклонился и приложил руку к уху, – у нас уже есть желающие. Тогда, – он выпрямился, – милости просим подняться на сцену нашего первого героя! Встречайте господина из второго грота!

Следом за всеми остальными я с любопытством посмотрела на выбравшегося к сцене высокого светловолосого мужчину, одетого, как клерк одного из здешних учреждений. То есть, в простой темной гамме и без украшений. Единственное, чему я немного удивилась, так это его прическе: здешние обыватели редко носили длинные волосы, пусть даже собранные в хвост. Если только молодежь... Но их обладателю, по моим меркам, было уже за тридцать. Помахав со сцены не только приготовившейся к развлечению публике, но и даме,

оставшейся за столиком, он нагнулся к микрофону.

– Говорю я, в основном, по существу. – обведя зал внимательным взглядом, сказал мужчина. – Но одну из баллад моей родины, долины Барсов, спою сегодня с истинным удовольствием.

Его голос звучал приятно, поэтому ему недолго похлопали и предложили начать. Пошептавшись с музыкантами, он снова появился в освещенном круге и посмотрел куда-то вдаль, поверх человеческих голов. А когда он запел, я почувствовала, как напряглись струны моей души, отзываясь на неизвестно как появившуюся в незатейливых словах песни эльфийскую грусть.

– Тяжка ноша твоя, память – крепче клинка. Поздней ночью покинул обитель

И ушел в пустоту с тощей сумкой в руках мой наставник, духовный воитель.

Ради блага страны ты оставил приют, тех, кто дорог печальному сердцу...

Виноватые в том слез разлуки не льют: властный путь допускает все средства.

Мир забрал у тебя все надежды, мечты, растоптал твои чувства жестоко.

Ты ушел в никуда... И поникли цветы. Им теперь без тебя одиноко.

Ты и сам одинок. Безразличен судьбе. Замечаешь прошедшие даты,

Словно вежи дорог, что раскрыты тебе. К их истокам не будет возврата.

Окружают тебя тени вместо людей. Их движенье не трогает душу.

Затворившись в себе, ты не станешь сильней. Не пора ли преграды разрушить

И впустить яркий луч чьей-то юной любви? Ее чистые, светлые воды

Неприменно помогут твой мир оживить, распахнув крылья вечной свободы...

... прошлой жизни оставив невзгоды...

При последних аккордах песни мужчина опустил глаза и посмотрел в темноту зала с легкой, чуть смущенной улыбкой. Взгрустнувшие дамы вытерли слезки, а господа, показывая в знак одобрения головами, похлопали. Певец сказал «спасибо» и, спустившись в зал, затерялся среди столиков. А я потеряла в недоумении лоб.

– Дядюшка Горс! – позвала пригорюнившегося над бокалом гнома. – Мне кажется, или этот человек заменил текст старой эльфийской баллады своими словами? Вроде там говорилось о скорби девушки, чей молодой муж остался на поле боя.

– Ага. – согласился Горс. – Заменил. Но, согласись, получилось красиво... – он вздохнул. – Словно про меня пел!

– А мне показалось, – я снова посмотрела в сумрак зала, – это пожелание от всего сердца тому, кто должен был

его услышать.

– Сама-то придумала, с чем будешь выступать? – перестав макать усы в вино, поинтересовался мой спутник.

– После такого... – пожав плечами, я тоже отпила глоток. – Даже и не знаю. Что-то шуточное – глупо. Романтичное – банально.

– А у этого, – гном ткнул вилкой в подвыпившего мужичка в сюртуке чиновника, – кажется, отличное настроение, и ему на все наплевать.

Тот, о ком мы говорили, с натугой и красным от усилий лицом изображал на сцене пляски горных троллей. Не хватало только костра, костей, самогона и словечек, без которых не обходится любой разгуляй в чисто мужской компании. Вместо этого он хлопал себя по щекам и старательно долбил каблуками пол. Мне показалось, или на самом деле в стороны летели дымящиеся щепки? Как бы то ни было, публика смеялась, повизгивала и свистела. И лишь прячущийся в занавесках уборщик с огнетушителем в руках выглядел слишком серьезно. Интересно, за такую бесценную идею господин Сурвей вычтет из моей зарплаты стоимость ремонта?

Наконец отпущенное на номер время истекло, и под летевшие со всех сторон ехидные комментарии друзья повели незадачливого танцора за стол. Следующей на сцену поднялась дама в темно-сером платье. Рюши, кокетливо подрагивающие на тонкой ткани, сделали ее бедра гораздо шире здешних критериев моды, обычно лояльных ко всем ко-

стюмным ляпам. Присмотревшись внимательней, я задумчиво приподняла брови: возможно, в том был некий тонкий расчет? Не только подрагиванием странного платья, но улыбкой и всей мимикой подвижного лица она кокетничала с оставленным за столом кавалером. И, судя по ее игривому настроению, нужная крепость была взята без боя. Дабы закрепить успех, она спела полную намеков песенку о чувствах мухи к птичке, тем самым подтвердив мою догадку, что дама и посылающий ей воздушные поцелуи господин нашли в отношениях правильную для них обоих ноту. От этого стало еще грустнее. Придуманная мной в хорошем настроении программа теперь казалась насмешкой над чужими чувствами.

Впрочем, все веселились. Услышав слова знакомых песен, зал тут же их подхватывал. А за окнами, насколько позволяли видеть фонари, под дождем стояли желавшие попасть сюда люди.

– Ну что, Талья, – вернул меня к реальности Тимчин. – Готова потрясти местные устои? Скоро объявят твою очередь.

– Тим, – я умоляюще посмотрела в улыбающееся лицо друга, – вычеркни, пожалуйста, меня из списков. После такого кривляния, – я кивнула на освещенный прожекторами круг, – делать совсем ничего не хочется!

– А ты выйди не ради их. – Тим перехватил поднос и положил теплую ладонь на мое запястье. – Спой для меня и Кая, шефа и Фэйто... Наши парни на кухне только о тебе и

говорят! Волнуются. Переживают.

– Ладно... – улыбнувшись, я коснулась его руки. – Но многого не ждите. Все-таки я – самая обычная девушка из обычного захолустья...

– Ты – наш друг. – серьезно ответил Тим и, кивнув, заспешил к позвавшим его клиентам.

– Поняла? – Приподнял бровь дядюшка Горс. – Дружба между мужчинами и девушкой – это тебе не глупые обнимашки у забора!

Я рассмеялась.

– Обычно второе легко вырастает из первого.

– Подскажешь, на кого ставить? – Левая бровь гнома опустилась, но тут же изогнулась правая.

– Не в моем случае. – твердо ответила я. И тут же вспомнила песню... одну из тех, что моя сестра разучивала к праздникам, пытаясь выглядеть перед гостями загадочно и по-взрослому.

– По твоему личику вижу, что решение пришло. – Заметил Горс.

– Насчет песни. – Я кивнула. – А мальчикам... им рано забивать головы серьезными отношениями.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.